

изображениями святых князей и с чудесными светильниками, поднимавшими кверху воротом на золотой и серебряной цепи «с хрустальными великими разнизанием»; всей этой невиданной красоте, с гордостью замечает автор, удивлялись даже приезжие греки. После этого вступления, ослепляющего читателя блеском драгоценных металлов и сияньем хрусталя и завершеного упомянутым панегириком Мономаху, автор возвращается к теме.

Олег Святославич достроил вышгородский храм (заложенный его отцом), и к 1111 г. он был расписан. Олег много раз обращался к Святополку с предложением перенести мощи; он требовал и умолял, но Святополк не давал согласия, завидя, что не он, а Олег достроил храм. Так продолжалось до смерти Святополка, сопровождавшейся многим мятежом и крамолой и различными слухами, пока «причътъмь всех людии» (т. е. по решению собрания знати; «причът» — собрание, сбор) большие и нарочитые люди не умолили Мономаха взяться за подавление восстания. Он «утоли мятежь и гълку в люде и прия княжение всея Русьское земля». Тогда Владимир, по согласию с Олегом и Давидом, решил организовать перенесение мощей. Князья со своими сыновьями прибыли в Вышгород, куда съехались и виднейшие иерархи (среди которых на третьем месте назван епископ переяславский Лазарь), а также много попов, клириков и монахов со всей Русской земли (т. е. приднепровских княжеств) «и от инех стран» (т. е. из других княжений). Сошлось и множество мирян — бояр, старейшин и воевод Русской земли, богатых и убогих, здоровых и больных; город был переполнен настолько, что люди расположились даже на забралах вышгородской крепости. 1 мая освятили храм, а на утро в воскресенье, 2 мая, началась утренняя служба «в обою церквию» (т. е. в одном из деревянных и в новом каменном храмах), и гробницу Бориса повлекли на специально приготовленных украшенных саях (соблюдая народный обычай) за толстые веревки, прикрепленные с обеих сторон к вороту («въръмь»).⁹⁸ Чтобы очистить путь от теснившегося народа, Мономах приказал бросать в толпу куны, меха и лоскуты шелковых паволок; многие бросились хватать их, а другие теснились к гробнице и все обливались радостными слезами «от многаго веселия», так что раку Бориса перевозили с большим трудом. Потом так же повезли раку Глеба, и тут «чудо преславно бысть»: пока везли Бориса, все шло «бес пакости», только было тесно от напиравших людей, а тут не раз лопались веревки, так как рака была столь велика, что ее муж не мог бы обхватить руками. Тогда все люди, заполнившие город и облепившие, подобно пчелам, стены и забрала крепости, закричали «господи помилуй», и глас народа был подобен грому.⁹⁹ И так едва смогли довести раку Глеба.

В чем состояло чудо при перенесении раки Глеба, автор не уточнил, он спешил дописывать свой рассказ: последняя молитвенная фраза, завершающая «Сказание», так и осталось недописанной.¹⁰⁰ Мощи Глеба второй раз

⁹⁸ С. А. Бугославский почему-то счел слово «вър» собственным именем «хорошо известной особы» (Пам'ятки... стр. XIII), хотя приводимые им варианты ясно дают понять, что «вър» — это ворот (к тому же этим термином в рассказе об устроенном Мономахом тереме названа драгоценная цепь, на которой поднимались светильники). В рассказе же Повести временных лет устройство передвижки гробницы «вором» изложено еще яснее: канаты были натянуты по сторонам гробницы воротами, которые натиск народа портил — «поламляху вор» (ПВЛ, т. I, стр. 199).

⁹⁹ Ср. в «Хождении» Даниила описание скопления богомольцев на чуде небесного огня, которые «вопють сильно, яко тутнати гремети всему месту тому от вопля людей тех» (стр. 131).

¹⁰⁰ Это отметил С. А. Бугославский (Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе, стр. 313).